

PHILOSOPHY OF THE EAST

Philosophy of Religion and Religious Studies

ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

Философия религии и религиоведение

Научная статья
УДК 94(32)+930.27(=003.322)
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-522-542>

Исторические науки

Полемиическая критика Павловых посланий

Андрей Сергеевич Десницкий^{1, 2}

¹ Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, ailoyros@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>

Аннотация. Статья предлагает относительно новый метод исследования раннехристианских текстов, который позволяет дополнить существующие реконструкции раннехристианских общин. Он заключается в том, что по полемиическим текстам (прежде всего, Посланиям, как вошедшим в канон Нового Завета, так и оставшимся вне его рамок) реконструируются те взгляды и практики, с которыми полемиизируют авторы. Это позволяет яснее увидеть те раннехристианские общины, которые не оставили богатого наследия, но при этом существовали. Далее в статье исследуются с этой точки зрения послания апостола Павла, его последователей и учеников.

Ключевые слова: Библия; Новый Завет; Павловы Послания; полемика; раннее христианство; реконструкция

Для цитирования: Десницкий А. С. Полемиическая критика Павловых посланий. *Ориенталистика*. 2022;5(3):522–542. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-522-542>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-522-542>

History studies

Features of the Hellenistic culture of ancient Sudan

Andrey S. Desnitsky^{1, 2}

¹ Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ailoyros@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>

Abstract. The article offers a new method of researching early Christian texts. It complements the existing reconstructions of early Christian communities. The method suggests analyzing the polemical texts, first of all, the canonical and non-canonical New Testament Epistles. This would be a basis for reconstructing the views and prac-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

tices with which the authors argue. The argument is an indirect source on the history of the early Christian communities which yet existed, however, did not leave a sufficient intellectual legacy. The article comprises a research based on these arguments of the Epistles written by apostle Paul and his followers and disciples.

Keywords: Bible; early Christianity; New Testament; Pauline Epistles; polemics; reconstruction

For citation: Desnitsky A. S. Polemical Criticism of the Pauline Epistles. *Orientalistica*. 2022;5(3):522-542. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-522-542>.

Проблема и пути ее решения

Предыдущая статья этого цикла [1] рассматривала вопрос реконструкции раннехристианских общин (I в. н. э.), о которых известно крайне мало, а главным и почти единственным источником остаются тексты Нового Завета, написанные самими этими общинами и потому крайне субъективные. Субъективны, разумеется, и исследователи, которые нередко подбирают из этих текстов то, что созвучно их собственным теориям: одни, к примеру, доказывают, что разрыв христианства с иудаизмом был резким и быстрым, а другие – что христианство долгое время существовало как иудейская секта.

Речь в статье, в частности, шла о том, что христианство, следуя модели Г. Тайсена [2], удобно рассматривать не как совершенно новое явление (вопреки мнению, в частности, С. Лёзова [3]), а как ряд изменений внутри религии Древнего Израиля (иудаизма Второго Храма, пользуясь иной терминологией). В разных христианских общинах эти изменения могли быть разнонаправленными и не одновременными. Для этого стоит проанализировать христианские тексты первых двух веков, которые содержат явную или скрытую полемику против иудаизма того времени или против, условно говоря, конкурирующих христианских и паракристианских течений. Так можно яснее представить себе круг идей и явлений, которые явно бытовали в соответствующий период и были предметом нареканий, а также оценить степень их значимости для раннехристианских общин.

Подобный анализ может помочь нам в поиске ответов (разумеется, не окончательных) на следующие вопросы:

- Какие принципиальные разногласия разделяли первых христиан?
- Каковы принципиальные разногласия между теми общинами, которые породили определенные тексты и группы текстов (община Матфея, община Иоанна, община Павла и т. д.)?
- Почему в итоге восторжествовала именно богословская традиция Павла?
- Иудео-христиане: существовали ли они как некая единая группа, или это общее название для целого ряда достаточно разных общин?
- Существовали ли протогностики, или возникший в середине II в. н. э. гностицизм был полностью новым и самостоятельным явлением?

Что может этому воспрепятствовать? Прежде всего, недостаточное количество материала, но не в меньшей, а пожалуй, и в большей степени – аберрация сознания, когда богословские модели и схемы последующих времен привносятся в раннехристианский материал. Проще говоря, исследователь точно знает, какое именно вероучение считается правильным – и легко его обнаруживает в раннехристианских текстах, отбрасывая всё, что его не устраивает, как нечто второстепенное, недостоверное, случайное. В результате раннее христианство получается приблизительной копией его собственных идеальных представлений о христианстве (примерно то же самое относится и к «историческому Иисусу», о чем нам уже доводилось писать [4]).

Это получается само собой уже по той причине, что дошедшие до нас тексты, прежде всего те, что вошли в канон Нового Завета (далее НЗ), прошли через определенные фильтры восприятия уже в древности. Они были сохранены и включены в канон именно потому, что отражали тот взгляд, который стал в дальнейшем доминирующим в христианской среде – но до нас не дошло, к примеру, Послание Павла к Лаодикийцам, в существовании которого нет причин сомневаться. Мы не знаем, почему оно не сохранилось – по случайным причинам или потому, что было слишком частным и незначительным, или же содержало некоторые идеи, которые впоследствии стали казаться сомнительными.

Мы можем полагать, что тексты, содержавшие идеи, которые в дальнейшем были отвергнуты, не дошли до нас именно потому, что они такие идеи содержали. Мы можем вычленил их разве что из той полемики, которая велась с этими идеями. При этом можем предполагать, что, если даже эта полемика не излагает их полно и адекватно, она, по меньшей мере, позволяет косвенно судить о том, какие идеи существовали, насколько казались полемистам опасными и к какому именно течению они эти идеи относили.

О риторике в НЗ написано очень много, в качестве главных рекомендаций можно привести труды Б. Уизрингтона, который не только дал описание метода [5], но и провел анализ соответствующих текстов; для нашего анализа важнее всего [6].

При этом надо помнить, что в риторических текстах могут содержаться некоторые общие обвинения (например, в распутстве), которые в равной мере подошли бы к любому противнику и, соответственно, не дают нам ничего конкретного. С другой стороны, искусный полемист может обращать в свою пользу даже стандартные формулы речи, к примеру, приветствия и благословения, подбирая соответствующие его целям примеры и выражения, но в этом случае едва ли удастся вычленил интересующие нас мысли с достаточной достоверностью.

В качестве материала подойдут прежде всего Послания (как входящие в корпус канонических книг НЗ, так и не входящие в него), т. к. именно в них выражена непосредственная позиция автора по тому или иному поводу. К примеру, в книге Деяний апостолов полемики тоже немало: проповеди апостолов, спорные ситуации и т. д., – но в целом ряде случаев не просто будет отделить позицию автора (Луки) от той полемики, которую он описывает. Так, в главах 10-11 одна и та же история про апостола Петра и сотника Корнилия рассказана автором и затем пересказана уже от имени Петра, и это позволяет судить о ее важности. Урок этой истории в том, что в христианской

общине преодолевается прежнее разделение между иудеями и язычниками, и совместная трапеза служит тому ясным свидетельством.

В Послании к Галатам мы видим, как Павел резко полемизирует с Петром именно по этому поводу. Можно предположить, что Лука специально приводит этот рассказ как своего рода примирительную историю: и Петр, и Павел самостоятельно приходят к одному и тому же выводу, хотя и разными путями.

А в Деян 16:3 мельком упомянуто, как Павел собственноручно обрезал Тимофея – это, в свою очередь, реплика в полемике о том, нужно ли и можно ли христианам обрезываться. Лука приводит этот пример, по-видимому, с той же целью: хотя Павел резко выступает против необходимости обрезания, но оказывается, не считает его принципиально невозможным.

Таким образом, Деяния, в отличие от Посланий – вторичный источник. То же самое, и в еще большей степени, можно сказать о Евангелиях, в которых отразилась полемика Иисуса с противниками, его учеников с представителями других течений, а также множество споров, которые проходили внутри раннехристианских общин. А Послания отражают точку зрения конкретного автора (может быть, в некоторых случаях коллективного), полемизирующего по конкретному поводу с некоторыми своими оппонентами.

Отдельно стоит отметить, что оппоненты могут быть не только реальными, с которыми автор действительно спорит, но и воображаемыми, риторическими, чье мнение приводится лишь для того, чтобы автор мог развить собственную мысль. Пример мнения реального оппонента: «Ты убежден, что ты – поводь для слепых, свет для сидящих во тьме, воспитатель для неразумных, учитель для несмышленных, и что закон дает тебе образец истинного познания? Так что же ты учишь других, а сам ничему не научился?» (Рим 2:19-21). Пример мнения воображаемого оппонента (ВО): «Что же дальше? Продолжим грешить, чтобы благодать была еще изобильней? Ни в коем случае!» (Рим 6:1-2). Трудно представить себе, чтобы Павлу противостоял некий человек, призывающий христиан сознательно и целенаправленно грешить, и при этом его мнение принималось бы всерьез. Скорее, Павел излагает возможный, но неверный вывод из своих же предшествующих слов лишь для того, чтобы его отвергнуть.

Несомненно, главным полемистом среди первых христиан, который в огромной степени повлиял на становление христианства как религии и о котором мы знаем достаточно много, был апостол Павел, он же Савл из Тарса. Здесь мы разберем, не вдаваясь детально в вопросы об авторстве (о нем подробнее см. [7]), Павловы Послания, вошедшие в канон НЗ, разделив их на две основные группы:

- Достоверные Павловы послания (Рим, 1 Кор, 2 Кор, Гал, Флп, 1 Фес, Флм). Практически никто из серьезных исследователей не сомневается в том, что они были написаны Павлом из Тарса.
- Послания Павлова круга (Еф, Кол, 2 Фес, 1 Тим, 2 Тим, Тит, Евр). Некоторые из этих текстов вполне могут принадлежать Павлу (2 Фес, Кол, Еф), а Евр наверняка написано не им. Но подавляющее большинство исследователей согласны, что эти послания так или иначе связаны с кругом учеников и последователей Павла, а значит, могут показать нам, какое развитие получили его идеи в дальнейшем.

В следующей статье мы рассмотрим остальные канонические Послания из состава НЗ и другие раннехристианские тексты, написанные в форме посланий.

1 глава. Послания Галатам как пример

В качестве примера следует подробно разобрать одно из небольших посланий, но среди Павловых по размеру подходит разве что Флм, в котором практически нет никакой полемики. Поэтому мы рассмотрим 1-ю главу Послания к Галатам, в Павловом авторстве которого никто не сомневается. Вот текст этой главы (здесь и далее цитаты из Нового Завета даются в авторском переводе):

«¹ Я, Павел, стал апостолом не по выбору людей и не по их воле, но по воле Иисуса Христа и Бога-Отца, Который Его воскресил из мертвых. ² Вместе со всеми братьями говорю церквам Галатии: ³ благодать вам и мир от Бога-Отца нашего и Господа Иисуса Христа, ⁴ Который отдал жизнь за искупление наших грехов, чтобы избавить нас от нынешнего порочного мира. Такова воля Бога и Отца нашего – ⁵ Ему слава во веки веков, аминь. ⁶ Христос призвал вас Своей благодатью, но вы, к моему удивлению, так быстро отошли от Него ради иного «евангелия». ⁷ А впрочем, иного нет – есть только люди, которые смущают вас, стремясь извратить Христово Евангелие. ⁸ Но если бы мы сами или даже ангел с неба стал возвещать вам иное «евангелие», чем возвестили мы прежде, – ответом пусть будет анафема. ⁹ Мы это уже говорили, и снова повторю: если кто будет возвещать вам не то Евангелие, которое вы приняли, ему – анафема! ¹⁰ У кого я ищу одобрения – у людей или у Бога? Может, стремлюсь понравиться людям? Если бы я стремился понравиться людям, то не был бы рабом Христовым. ¹¹ Хочу, чтобы вы знали, братья: Евангелие, которое я возвестил, – не человеческое изобретение. ¹² Не человек мне его передал, не человек ему научил – его мне открыл Иисус Христос. ¹³ Вы же слышали, как я следовал иудейской религии, когда изо всех сил гнал и губил церковь Божью. ¹⁴ Что до иудейской религии – в ней я усердствовал больше многих иудеев моего возраста, следовал отеческим своим преданиям с чрезмерной ревностью. ¹⁵ Но Бог избрал меня от чрева матери и призвал Своей благодатью. По Своей благой воле ¹⁶ Он открыл мне Своего Сына, чтобы я возвещал Его Евангелие среди народов, и я не стал тогда советовать с людьми из плоти и крови. ¹⁷ Я не пошел в Иерусалим к тем, что стали апостолами прежде меня, но отправился в Аравию и затем возвратился в Дамаск. ¹⁸ Потом, спустя три года, я пошел в Иерусалим познакомиться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. ¹⁹ Никого другого из апостолов я не видел, разве только Иакова, брата Господня. ²⁰ И в том, что я вам пишу, Бог свидетель, нет обмана. ²¹ Затем я отправился в провинции Сирию и Киликию, ²² а в Христовых церквах Иудеи лично меня не знали. ²³ Они только слышали: тот, кто прежде их гнал и губил евангельскую веру, теперь ее проповедует – ²⁴ и за меня прославляли Бога».

Нетрудно выделить в этом тексте полемические утверждения, про каждое из них можно спросить:

- Насколько важен этот спор для автора? Это что-то очень существенное (отмечено в таблице индексом А), просто важное (индекс Б) или второстепенное, упомянутое мимоходом (индекс В)?
- С кем автор спорит? Это могут быть как иноверцы – язычники или иудеи, – так и некоторые христиане из общины, к которой обращается автор, или же его соперники из других общин. Наконец, оппонент может быть воображаемым – условной фигурой, необходимой лишь для опровержения того или иного тезиса.
- В чем заключается тезис, с которым спорит автор? Можем ли мы его сформулировать конкретно (и тогда разумно предположить, что это реальный спор с настоящими оппонентами), или это будет некое общее утверждение, к тому же абсурдное (например, «христианам позволительно грешить») – и тогда этот спор есть лишь риторическое упражнение.
- Каковы основные доказательства автора и та общая база (факты и представления, общие для автора и его оппонентов), на которую он может опереться в споре? Глядя на аргументы, мы можем лучше представить себе, какие именно взгляды и практики были характерны для оппонентов – естественно предположить, что именно против них будет выступать автор в первую очередь.

Итак, мы можем рассмотреть главу 1 Послания к Галатам и постараться ответить на эти вопросы к тексту. Эта глава в высшей степени полемична, ее логический центр – стихи 6-9, где Павел яростно отрицает «другое евангелие», которое преподали христианам Галатии некоторые не названные им оппоненты. Это, безусловно, самый важный и основной тезис.

В чем заключалось их учение, не сказано в главе 1 (об этом речь идет позднее), зато Павел считает необходимым опровергнуть ключевые тезисы оппонентов, которые подвергают сомнения его авторитет: Павел – самозванец (ст. 1), он ищет дешевой популярности (10), в прошлом он был иудейским ревнителем и гонителем церкви (13-14) и по всем этим причинам уступает другим апостолам (16-19). Каждый из этих аргументов Павел опровергает, притом разными способами: свое самозванство он отрицает, а что до гонений, их он признает, но называет делом прошлого. Вместе с тем мы видим, что эта личная апология вторична по отношению к основному предмету полемики, а именно к самой сути Евангелия, о которой речь пойдет далее. Все эти данные легко представить в виде таблицы (табл. 1): такие были составлены для каждого рассмотренного текста, но приводить их едва ли имеет смысл, чтобы не перегружать читателя.

Таблица 1

Стих	оппонент	тезис	значимость
1	Противники Павла	Павел не был избран в апостолы, он самозванец	Б
6-9	Некоторые христиане Галатии	Соперники Павла благовествуют лучше и точнее него	А
10	Противники Павла	Павел лишь угождает людям.	Б
13-14	Противники Павла	Павел – гонитель церкви.	Б
16-19	Противники Павла	Павел вторичен по отношению к другим апостолам.	Б

О чем говорит нам эта краткая схема? В то время, когда пишется этот текст (середина I в. н. э.) у христиан Галатии нет ни общеобязательной системы богословских взглядов, ни сколь-нибудь внятной административной структуры. По сути дела, проповедники различных вариантов христианского вероучения конкурируют друг с другом, добиваясь успеха исключительно средствами риторики. Павел говорит: «Евангелие, которое я возвестил, – не человеческое изобретение. Не человек мне его передал, не человек ему научил – его мне открыл Иисус Христос» (11-12). Никаких других доказательств он не приводит, вероятно, их просто нет – но, с другой стороны, они и не требуются. Мы видим свободную борьбу разных проповедников за умы и сердца людей, в которой Павел оказывается победителем просто потому, что звучит убедительней. А вот почему он убедительней прочих – это уже отдельный вопрос, на который у нас пока нет ответа.

Перейдем теперь к анализу прочих Посланий.

Достоверные Павловы послания

Римлянам

Это послание, несомненно, главное среди всех Павловых, программное, а многие считают его вообще центральным богословским текстом всего НЗ. Здесь мы видим, что Павел одновременно спорит с несколькими группами оппонентов.

Иудеи ставят на первое место исполнение Моисеева закона как основной смысл принадлежности к избранному народу и главный, если не единственный, способ угодить Богу (2:12-24). Они считают, что главный признак такого исполнения – обрезание (2:25-29), а принадлежность к Израилю определяется рождением. Эта полемика невероятно важна для Павла, ей он посвящает гл. 2-4, но в дальнейшем переходит к другим вопросам. По-видимому, именно несогласие с иудеями становится той базой, на которой можно начинать полемику с христианскими оппонентами.

При этом иудеи выступают как некая единая и вполне чуждая группа, а вот среди христиан явно есть разные мнения и группы. Своих противников среди христиан Павел описывает довольно кратко и неконкретно, к тому же в самом конце письма: «Призываю вас, братья, внимательно отнестись к людям, которые сеют среди вас расколы и заставляют отклониться от принятого учения. Таких людей нужно избегать, они служат не Господу нашему Христу, а собственному животу. Гладкими и красивыми речами они сбивают с пути простодушные сердца» (16:17-18). Это довольно общие слова, они не указывают на конкретных оппонентов.

Христиане из иудеев не привлекают особого внимания Павла. К ним он обращает, по сути, только один пассаж: «Разве вам не известно, братья (я говорю тем, кто чтит закон), что закон властен над человеком, лишь пока тот жив?» (7:1). Он явно призывает размежеваться с иудеями по вопросу о роли закона в деле спасения, и это разделение выглядит для него окончательным и самодостаточным.

Зато некоторые *христиане из язычников*, напротив, вызывают у Павла серьезную критику, которая начинает звучать в 3:3-4 и далее занимает почти всю гл. 11. Они полагают, что израильский народ утратил свое первенство

перед язычниками и отпал от Бога, чтобы его место заняли христиане из язычников, а неверие иудеев сделало их врагами Богу и лишило того, что было им Богом обещано. Это, разумеется, другая крайность, но интересно, что для Павла намного важнее оспорить именно ее. Более того, Павел с самого начала (3:31) решительно опровергает мысль, будто он полностью отрицает пользу Моисеева закона. Иными словами, его оппоненты стремятся оторвать христианство от иудейских корней.

Помимо деления на обращенных из иудеев и язычников, Павел выделяет тех, кто соблюдает особые пищевые и календарные ограничения, и тех, кто их игнорирует (это основная тема 14-й главы), но их спор Павел не считает важным, и та, и другая позиция вполне для него приемлемы. По сути, тут он спорит не с одной из точек зрения, а с претензией каждой на исключительную правоту. Иначе говоря, практика религиозной жизни (праздники, посты и проч.) для него второстепенна. Из этого мы можем сделать вывод, что степень централизации христианских общин была в то время крайне невелика и естественное разнообразие практик, с точки зрения Павла, должно было сохраняться ради сбережения единства.

Воображаемые оппоненты занимают в этом послании важное место, и стоит задуматься, стоят ли за ними реальные люди или группы людей. Пожалуй, он приписывает им некие радикальные мнения, которые можно вывести из одностороннего прочтения его собственных слов: «Что же тогда получается: наша неправда показывает праведность Бога? Может, тогда Божья кара людям несправедлива (если рассуждать по-человечески)?» (3:5); «Что же дальше? Продолжим грешить, чтобы благодать была еще изобильней?» (6:1). Может быть, конечно, это окарикатурное мнение некоторых реальных людей, но в этом случае оно представлено в настолько гротескном виде, что говорить о нем всерьез не приходится. Эти оппоненты нужны Павлу лишь для раскрытия собственных идей, он таким образом ставит некоторые ограничители: не надо понимать сказанное выше слишком односторонне и категорично!

В особенности это касается вопроса о суверенной власти Бога над творением. Павел настаивает, что Бог обладает полной властью над творением и выбирает по собственному желанию людей для спасения... но это значит, что он же выбирает кого-то для не-спасения? «Что же нам на это сказать: выходит, что Бог несправедлив? Ни в коем случае!... Не человеческое намерение или старание решает всё, а милость Божья» (9:14,16). Но дальше Павел этот тезис не развивает, вероятно, по той причине, что ему были неизвестны оппоненты, всерьез отстаивающие тезис «Бог несправедлив».

В дальнейшем богословы будут мучаться над проблемой: если Бог всеблаг и всемогущ, почему он предназначил ко спасению не всех людей, а только некоторых? То же самое Послание к Римлянам будет перетолковываться в свете этой проблемы. Судя по оговоркам, ее принципиально осознавал и Павел. В 9:14-23 этот тезис раскрывается особенно ярко: Бога нельзя упрекать в несправедливости! К сожалению, Павел не предлагает положительного решения этой проблемы: как же тогда относиться к тому, что для спасения избраны лишь некоторые? Может быть, дело в том, что тезис о спасении лишь *некоторых* людей казался тогда самоочевидным, споры шли лишь о том, что служит залогом этого спасения: строгое соблюдение Моисеева

закона (стандартный иудейский ответ, как это видит Павел) или избранничество свыше (ответ самого Павла).

Особое место в Послании занимает глава 13, в которой декларируется лояльность христиан римскому государству. Здесь оппонентами могут быть как радикально настроенные *противники государства*, так и, напротив, сама *римская власть*, которая может подозревать христиан в подобной воинственной нелояльности (можно было предполагать, что послание, отправленное в Рим, так или иначе будет прочитано и римскими властями). По-видимому, основное требование апостола – достичь такого уровня лояльности, который позволяет христианским общинам жить в римском государстве, но и не более того: «Так что кому причитается налог – отдавайте налог, кому подать – подать, кому пошлина – пошлину; кого положено, страшитесь, и кого положено – чтите. Пусть никто не будет никому ничего должен, кроме долга взаимной любви: кто любит, тот исполнил и остальной закон» (13:7-8).

Существовали некие *противники Павла* и внутри римской общины, которые подрывали его авторитет, упрекали его в самозванстве и пренебрежительном отношении к римской общине, так что Павел вынужден защищаться, но этой защите он не придает очень уж большого значения (15:17,22). По-видимому, речь идет о личных конфликтах и неприязни.

Коринфянам (1)

В самом начале (1:18) оппонентами Павла выступают, по-видимому, язычники, которые свысока относятся к проповеди Воскресения, к слишком простой (в каком смысле простой? Простодушной?) коринфской общине и к Павлу лично. Но в детальный спор с ними Павел не вступает.

Его настоящие оппоненты – из числа коринфских христиан, хотя нам трудно определить, кто именно и по какой причине. Об этих оппонентах Павел пишет довольно расплывчато, ограничиваясь общим списком обвинений: «Я никак не доберусь до вас, вот некоторые у вас и возгордились. Но скоро я к вам приду, если будет угодно Господу, и проверю, чего стоят эти гордецы не на словах, а на деле» (4:17-18); «не общайтесь с тем, кто называется братом, но при этом развратник, хапуга, идолопоклонник, клеветник, пьяница или рабитель» (5:11).

Но если рассмотреть положения, против которых он возражает, их можно разбить на несколько достаточно четко определенных групп, причем, как и в случаях с Рим, можно увидеть здесь некий баланс: поспорив с одной крайностью, Павел тут же спорит с другой, даже если она гипотетическая. Так, в главе 7 он утверждает, что христианину лучше оставаться одиноким, чтобы не обременять себя семейными заботами, но отдельно оговаривает: «Это с моей стороны позволение, а не требование» (7:6).

Ключевая проблема для Павла – отсутствие единства в коринфской общине. Разделение может быть основано на приверженности разным духовным лидерам (1:12) или на разнице в социальном статусе и богатстве, в последнем случае для него нет оправдания. И тут же Павел отстаивает иерархичность церковной общины, основанную на «естественном порядке вещей». Так он, в частности, обосновывает подчиненное положение женщины: «Женщины пусть в церкви молчат. Им не дозволяется говорить, ведь закон ставит их в подчиненное положение» (14:34). С другой стороны,

женщина онтологически не ниже и не хуже мужчины: «как женщина произошла от мужчины, так и мужчина рождается от женщины, и всё это от Бога» (11:12). В свою очередь, иерархичность не должна приводить к чрезмерно жестким требованиям относительно купленного на рынке и, возможно, посвященного идолам мяса (8:4-5), а способность говорить на неведомых языках (видимо, важная для коринфян) не должна становиться единственным или даже самым важным в их глазах проявлением Святого Духа в жизни общины (гл. 13-14).

Ключевой для Павла образ – разные члены тела, которые взаимодействуют согласованно: «Тело у человека одно, но состоит из многих частей. И хотя этих частей много, они составляют единое тело – так и с Телом Христовым» (12:12).

Впрочем, разнообразие дарований опять-таки не означает бесконтрольного хаоса и индивидуализма. Павел подчеркивает, что есть ряд нравственных требований, выход за пределы которых должен означать исключение человека из общины и, по-видимому, влечет за собой его отвержение в Царствии Божьем: «Пришли известия, что у вас происходит разврат – да такой, какого нет и у язычников: один человек живет с женой своего отца» (5:1-2).

В самом конце послания неожиданно возникает спор с теми, кто отрицает воскресение мертвых (15:12), причем для Павла этот спор принципиален: такое отрицание уничтожает основы веры. Разве не лучше было бы ввести его в начале послания? Неужели это менее важно, чем вопросы о женских головных уборах и стрижках (11:6) или о купленном на рынке мясе (10:25)? Разумеется, нет. Но обратим внимание, что для этого послания в том виде, в котором оно до нас дошло (оставим сейчас в стороне вопрос, не составлено ли оно из нескольких самостоятельных текстов), единство по ключевому вопросу вероучения не предшествует единству церковной организации, а скорее вытекает из него. Иными словами, не «мы все верим так-то и потому принадлежим к одной общине», а «мы принадлежим к одной общине и потому верим так-то». Характерна маленькая оговорка: «А если кто любит поспорить, то другого обычая нет ни у нас, ни в других церквях Божьих» (11:16). И единство обычая – это окончательный аргумент.

Какими же были эти неназванные оппоненты из числа коринфских христиан? Они могли быть разными людьми, не обязательно, что каждый из них спорил с Павлом по каждому из пунктов. Но в целом вырисовывается образ достаточно вольной «ассоциации клубов» по верности духовным наставникам, социальному положению и т. д., при этом такие «клубы» не испытывают достаточной потребности в единстве между собой, настаивают на исключительности своего подхода в целом ряде практических вопросов (мясо, языки), но терпимо относятся к этическим нарушениям в своей общине. С ними и спорит Павел.

Коринфянам (2)

В этом послании, глубоко личном и остро эмоциональном, ни оппоненты Павла, ни их тезисы не определены сколь-нибудь последовательно и ясно. Иногда он явно обращается к ВО, иногда – к *членам коринфской общины*, у которых есть к нему претензии, но в большинстве случаев невозможно

понять, насколько реальными или, напротив, риторическими являются те упреки и нападки, которые он влагает в уста своих оппонентов.

Ясно одно – оппоненты подвергают сомнению его право руководить коринфской общиной на расстоянии и считают возможным подчиняться другим, не названным авторитетам: «Такие люди лишь притворяются Христовыми апостолами, но на самом деле не таковы, и трудятся они нечестно» (11:13). По сути, они хотят, чтобы Павел, основавший коринфскую общину, теперь оставил ее в покое.

Только один эпизод полемики выходит за рамки обсуждения личности и полномочий Павла, да и то не совсем. Павел пишет: «Впрочем, один человек действительно причинил огорчение, но не мне, а в некоторой мере всем вам – я не преувеличиваю. Довольно с него того наказания, которому большинство из вас его подвергло. Лучше его теперь простить и утешить, чтобы чрезмерная печаль его не погубила, так что я призываю вас проявить к нему любовь. Для того-то я вам и написал, чтобы на деле убедиться: во всем ли вы будете послушны. Кого вы простите, того прощаю и я. Так что я ради вас от имени Христа простил того, кого было за что прощать» (2:5-10).

Это явно один из его самых решительных оппонентов, и вот он наказан (по-видимому, с ним прекратили общение?), а теперь Павел советует его простить. Он говорит, что прощает его вслед за коринфской общиной, но по смыслу получается, что скорее община должна его простить после того, как Павел объявил о своем прощении. Мы видим, что вопросы церковной дисциплины здесь выводятся им за рамки обычных человеческих размолвок и примирений, когда с неким человеком общаются или не общаются другие по собственному выбору: нет, это дело всей общины, и решающее слово принадлежит Павлу как ее главе даже тогда, когда он физически далеко от нее.

Как мы видим, при отсутствии четкой централизованной структуры вопрос об авторитете остается одним из самых актуальных. Авторитет нуждается в постоянном подтверждении, особенно на расстоянии.

Галатам

Павел спорит в этом послании со своими *противниками* (как и во 2 Кор, они испытывают личную неприязнь к Павлу, им посвящена практически вся 1-й глава) и *некоторыми галатскими христианами* (вероятно, эти множества пересекаются) – он отстаивает свое достоинство и право наставлять христиан Галатии, как мы уже отмечали выше. Фактически, он отстаивает право на существование независимых харизматических общин под руководством людей, получивших откровение свыше, вне зависимости от тех или иных формальных процедур и вне всякой связи с уже существующими авторитетами (вероятно, с иерусалимской общиной под руководством апостолов).

Богословская проблема в Послании обсуждается, по сути, одна: надо ли христианам из бывших язычников соблюдать Моисеев закон, прежде всего, совершать обрезание: «Бог, Который наделяет вас Духом и совершает среди вас чудеса, смотрит на соблюдение закона или на вашу веру в услышанную весть?» (3:5) С точки зрения Павла, такое требование означает, что христианство будто бы не стирает различий между людьми разного происхождения, а благословения, обещанные Богом Аврааму, передаются лишь его прямым

потомкам, соблюдающим Моисеев закон. По-видимому, в этом и заключается суть «киного евангелия», которое проповедуют его оппоненты (1:8).

Филиппийцам

Это Послание также содержит личные объяснения Павла о своих отношениях с христианской общиной, к которой он обращается. Тон его (*Послания или Павла?*) гораздо более примирительный: «Они возвещают Христа, и будь то искренне или лишь для вида – я рад этому!» (1:18).

Вместе с тем, в Флп содержится серьезный богословский раздел, который иногда также называют гимном и считают цитатой (может быть, видоизменной). Он содержится в 2:6-11, при этом появляется несколько неожиданно, как мотивация к призыву «заботиться не о своей выгоде, а о пользе других» (2:4). Это одна из самых ранних попыток сформулировать определение божественного достоинства Христа. Толковать эти формулировки можно по-разному, прежде всего, в стихе 2:6. Греческий оригинал выглядит так: ἐν μορφῇ θεοῦ ὑπάρχων οὐχ ἄρπαγμόν ἠγύσατο τὸ εἶναι ἴσα θεῷ, два наиболее распространенных понимания можно сформулировать следующим образом: (1) «в Божьем образе пребывал, но не замыслил Он присвоить равенство с Богом»; (2) «в Божьем образе пребывал, но не присвоил Он лишнего, считая себя равным Богу».

Этот отрывок, по-видимому, долго будет оставаться предметом спора между сторонниками «высокой христологии» (Христос есть воплощенный Бог) и «низкой христологии» (Христос есть Божий избраннык). Но можно не сомневаться в одном: если бы Павел сам был сторонником одной из этих моделей, он бы недвусмысленно отстаивал ее и крайне эмоционально спорил с другой, как он возражал против мнения, будто христианам надлежит соблюдать Моисеев закон.

Другими словами, довольно сложно доказать, какую именно позитивную программу он здесь отстаивал. Но, по-видимому, гораздо проще понять, с какой точкой зрения (или какими точками зрения) он спорил, притом достаточно эмоционально. Можно представить себе некоторый взгляд, согласно которому приписывать божественное достоинство Иисусу из Назарета кощунственно (будь то по модели «высокой» или даже «низкой» христологии, которые тогда не были еще сформулированы в явном виде), а страдания, которые он претерпел, объясняются неспособностью себя защитить. Вот эту точку зрения Павел категорически отвергает. Также, вероятно, он отвергает положение, согласно которому Иисус становится в некий ряд «прочих имен» (2:9) и наравне с ними его можно почитать. Нет, он превознесен и наречен Господом в особом и уникальном смысле, а его добровольное унижение служит примером поведения для христиан, будь то сам Павел или его адресаты. Похвальба обрезанием или соблюдением Моисеева закона, по-видимому, приводится как частный случай подобной нескромности.

Можно было бы также предположить, что Павел спорит с теми, кто не видит во Христе человека («на вид – как любой из людей», 2:7), но эта тема уж точно не получает здесь сколь-нибудь серьезного развития, а потому ее можно оставить в стороне. Кем могли быть оппоненты, с которыми спорил на эту тему Павел, из самого Послания не вполне ясно.

Также в Флп встречаются и темы, нам уже хорошо известные: Павел напоминает о своей тесной связи с филиппийской общиной (1:8), отрицает необходимость обрезания для христиан (3:3) и говорит, что праведность перед Богом человек обретает по вере, а не благодаря исполнению Моисеева закона (3:9).

Чтобы понять цель риторики Павла, стоит вспомнить, что Филиппы – римская колония, *Colonia Victrix Philippensium*, населенная в значительной мере ветеранами (см. прежде всего, [6]). Павел обращается к тем, кто привычен к строгой иерархии и дисциплине, и внушает им (какой бы ни была его христология), что христианам свойственна совсем другая иерархия, в которой высшую ступень занимает униженный и распятый Иисус, и что именно перед ним как перед Господом преклоняет колени весь мир.

Фессалоникийцам (1)

Это Послание вновь касается темы авторитета Павла, который он отстаивает перед общиной в Фессалонике, но достаточно вяло (2:3-7). Острая, хотя и краткая полемика явно направлена против иудеев, которых Павел считает виновными перед Богом и ответственными за смерть Христа: «Те убили и Господа Иисуса, и пророков, а нас они преследовали, Богу они не угодны и всем людям враждебны» (2:15). Это высказывание явно противоречит тем пространственным рассуждениям об отношении Бога и народа Израиля, которые он предлагал Римской общине. По-видимому, полемика с иудаизмом в Фессалонике не была достаточно актуальной, чтобы развивать эту тему, и Павел ограничивается лишь проведением четкой границы: иудеи враждебны по отношению к христианам, как были враждебны ко Христу, и не следует ожидать от них иного.

Куда более подробно Павел спорит с теми, кто настаивает на предсказании точной даты Второго Пришествия, чтобы к нему как следует подготовиться (5:1-5). Собственно, полемическое острие Павла направлено против тех, кто разделяет повседневность и эсхатологию. Он утверждает, что ко Второму Пришествию нужно быть готовыми постоянно и главное тут вот что: «Пусть никто не переходит границ и не ищет себе выгоды за счет брата» (4:6).

По-видимому, направленность полемики Павла во многом зависела от ситуации в конкретной общине: он обсуждал именно ту проблему, которую видел перед собой (стремление точно знать дату конца мира – в этом послании, как стремление говорить на «новых языках» – в 1 Кор или как полное отвержение евреев – в Рим), притом допускал риторические преувеличения.

Филимону

Послание носит частный характер: Павел уговаривает адресата принять беглого раба Онисима, принявшего христианство, уже не как раба, но как брата. Оно было включено в канон, по-видимому, в связи с тем, что этот частный случай может рассматриваться как важный прецедент на будущее. По сути, Павел утверждает, что в христианской общине обычные социальные роли не отменяются, но уходят на второй план и значат меньше, чем братство людей во Христе.

Послания Павлова круга

Ефесянам

Это послание совершенно не полемично, автор спорит, вполне в духе Павла, лишь с двумя тезисами: что человек будто бы может заслужить спасение делами (2:8-9) и что между христианами из иудеев и христианами из язычников стоит непроходимый барьер (2:19). Впрочем, оппонент явно воображаемый, т. к. Послание, в общем и целом, скорее наставляет, чем спорит.

Колоссянам

Здесь автор явно спорит с теми, кто стремится выстроить жизнь Колосской христианской общины на иудейский манер: совершают обрезания, соблюдают требования Моисеева закона, придерживаются календаря (2:11) и, что может нам показаться немного неожиданным, служат ангелам (2:18). Но, по-видимому, в народном иудаизме I в. н. э. почитание ангелов было распространенным и важным (подробнее см. [8, 9]).

Фессалоникийцам (2)

Это Послание по своей полемической структуре очень похоже на 1 Фес, хотя несколько по-иному расставляет акценты: важнее всего – вопрос о Втором Пришествии, автор настаивает, что оно не обязательно должно произойти (*или: произойдет*) в самом ближайшем будущем (2:3, разбор представлений о Втором пришествии, которое задерживается, см., прежде всего, в [10]). Тем не менее, рассматриваются и вопросы о полномочиях Павла (3:7-9), о грядущем наказании противников христиан (1:8-10), о сохранении гармоничных отношений внутри общины: «Если же кто не послушает слов этого нашего послания, отделите его особо и не общайтесь с ним, пусть устыдится. Но не относитесь к нему как к врагу, а вразумляйте как брата» (3:14-15).

Итак, эти три послания почти ничего не добавляют к основному Павлову корпусу, но о следующем послании такого никак не скажешь.

Тимофею (1)

Это относительно небольшое послание в высшей степени полемично, названы по именам даже некие противники: Гименей и Александр (1:20); при этом практически ничего не сказано в защиту полномочий Павла и его права наставлять адресата и других христиан (что, собственно, служит одним из главных аргументов против Павлова авторства). У нас, разумеется, нет никакой уверенности, что существовала некоторая группа учителей (Гименей и Александр?) с развернутой позицией, против которой возражает здесь по пунктам автор. Однако мы можем попытаться реконструировать позицию, с которой спорит автор, отдавая себе при этом отчет, что может получиться целый набор разных позиций. Более того, мы увидим, что полемика ведется, как часто это бывает, «на два фронта»: с одной стороны автор порицает ригористов с их крайностями, с другой – либералов.

Расставляя тезисы противников в порядке приоритета, мы получим примерно следующие положения противников автора:

- Важно соблюдать Моисеев закон (1:8).
- Важно обсуждать некие «родословия» (1:4).

- Для спасения христианину нужны люди-посредники, по-видимому, храмовые жрецы (2:5).
- Руководитель общины может быть груб с ее рядовыми членами (5:1).
- Богатые или «обладающие знанием» люди стоят в общине выше ее простых членов (6:17-19).

Оппоненты автора «говорят от имени якобы “знания” (τῆς ψευδῶν μοῦ ὑνὸς σεως), но те, кто сулил его, сбились с верного пути» (6:20-21). В этой цитате иногда видят указание на прото-гностическое учение, но никаких более конкретных сведений о природе знания автор не дает.

Далее можно указать на спор по вопросам практики христианской жизни, притом автор спорит и с условными «ригористами», и с условными «либералами». Итак, тезисы «ригористов»:

- Пресвитеры не должны получать плату за свое служение (5:17).
- Спасение для замужней женщины недоступно в принципе (2:15).
- Молодым вдовам запрещено снова выходить замуж (5:14).
- Христианам не позволено пить вино (5:23).
- Тезисы «либералов»:
- Руководителем общины может быть кто угодно, христиане могут придерживаться разных взглядов по ключевым вопросам (3:1-13, 5:22).
- Женщина в общине полностью равна мужчине (2:11-12).
- Любая овдовевшая женщина заслуживает поддержки общины (5:3-9).
- Тайные грехи и пороки простительны (5:24-25).
- Рабы-христиане могут с меньшим усердием служить своим хозяевам, если те тоже христиане (6:1-2).

Что касается Моисеева закона и пресловутых «родословий» (вероятно, сведений о происхождении тех или иных групп, хотя это может быть что угодно, вплоть до некоторых прото-гностических схем), автор не обсуждает этих вопросов сколь-нибудь подробно, полемика с ними выглядит некоторым общим местом. Можно считать, что в целом это и так должно быть понятно читателям.

Зато автор сосредотачивается на вопросе об отношениях внутри общины, стараясь сохранить ее единство и избегать любых крайностей. При этом подчеркивается совместимость с христианством традиционных иерархий и институтов, в первую очередь – подчиненного положения женщин и рабства. Руководство общины, в свою очередь, выглядит достаточно строго структурированным и, если можно так сказать, профессиональным, вплоть до необходимости оплаты его служения.

Тимофею (2)

В этом Послании автор очень настойчиво обличает некоторых оппонентов и называет некоторых по именам (Демас в 4:10 и Александр в 4:14), но ничего не говорит о сути их позиции (Демас, видимо, просто расстался с Павлом не вовремя). Как и в 1 Тим, осуждается, но несколько мимоходом, поведение тех, кто стремится к некоему особому знанию, и затрагивается роль женщин (1:6-7). По сути дела, есть только один оригинальный и важный тезис, с которым спорит автор: что воскресение из мертвых уже состоялось (по-видимому, речь идет о небуковальном его понимании, 2:18) и, следовательно, не нужно ожидать другого. Этот тезис отстаивают Гиметей и Филет, о которых мы тоже ничего не знаем.

Титу

Здесь мы, по сути, видим отголоски той полемики, которая уже встречалась в 1 Тим и 2 Тим: не нужно следовать иудейским обычаям (1:10) и спорить о «родословиях» (3:9), зато нужно подчиняться начальству (3:1).

Евреям

Этого Послания Павел явно не писал, но содержание тесно связано с богословием апостола. Это, по сути – сложный богословский трактат, направленный против иудеев и тех христиан, которые перенимают их идеи и практики. Непросто определить, с кем конкретно спорит автор: едва ли с иудеями, не принявшими Христа, а скорее с *иудеохристианами*, которые сочетают христианскую веру с верностью иудейским традициям. Автор призывает их окончательно порвать с иудаизмом: «Иисус, чтобы освятить Своей кровью народ, пострадал за стенами города. Так выйдем же и мы к Нему за пределы стана» (13:12-13). Не исключено, что в некоторых случаях, особенно в главах 12 и 13 это могут быть вообще любые группы христиан, например, те, которые отрицают возможность брака для христиан: «Брак всегда достоин почета» (13:4).

Здесь также можно выстроить набор основных тезисов, с которыми спорит автор:

- Иисус не более чем человек, в отличие от ангелов, которым надлежит служить (1:4-14).
- Иисус подчинился Моисееву закону, как и следует поступать всякому иудею (3:1-6).
- Нет ничего важнее исполнения Моисеева закона и храмового богослужения (2:3-4 и 8:1 – 9:28).
- Храмовый первосвященник, потомок Аарона, стоит выше Иисуса (4:14 – 5:10).
- Храмовое богослужение в достаточной мере искупает грехи иудеев (10:11 – 18).
- Праведники Ветхого Завета уже получили свою награду (11:13-40).

Кроме того, мы видим здесь ряд второстепенных тезисов, не связанных с этой полемикой, они, по-видимому, бытовали среди адресатов Послания, но тоже были связаны с иудейским вероучением:

- Кто отпал от Христа, может покаяться и вернуться в общину (6:4-8). Отметим, что эта мысль явно противоречит мнению, которое в дальнейшем стало обычным для христианской традиции: «Таких людей невозможно еще раз обновить покаянием» (6:6). *(Стало обычным? После гонений архиепископы принимали отпавших обратно.)*
- Страдания христиан доказывают, что Богу они неуютны (12:4-11).
- Христиане могут оставаться среди не принявших Христа иудеев (13:10-15).

Еще одна реплика выглядит как исключительно риторическая: «Зачем заново класть основание и говорить о покаянии в делах смерти, о вере в Бога, зачем учить о крещении, возложении рук, воскресении из мертвых и о вечном суде? Впрочем, даже так поступим, если Бог пожелает» (6:1-3). Однако, если сравнивать описанную здесь ситуацию с той, которую мы видели в первой главе Гал, можно заключить, что для адресатов этого послания уже

существовали твердые и общеизвестные базовые положения христианского вероучения. Евр было написано не позднее 70 г., поскольку в нем не упомянуто разрушение Иерусалимского храма, то есть от Гал его отделяет меньше двух десятилетий – это стремительный прогресс!

Павел и его ученики как полемисты: краткие итоги

Между бесспорно Павловыми посланиями и теми, которые могли быть написаны его учениками и продолжателями, есть ощутимая разница. Для нашей цели даже не очень важно, объясняется ли разница тем, что первые писал лично Павел, а вторые – нет; может быть, перед нами просто две стадии развития одной традиции.

В первой группе посланий Павел спорит с личными оппонентами, оставляя свой авторитет и право руководить общинами, к которым обращается. При этом все аргументы носят личный характер, по сути, никаких институциональных норм еще нет.

Что касается богословия, мы видим, по существу, только один пункт, в котором Павел расходится со своими оппонентами (и это явно иудеи или иудеохристиане, которые в значительной мере остаются на иудейской стороне). Он согласен с ними в том, что человечество делится на избранных Божьих, которым уготовано спасение, и всех остальных. Но он расходится с ними в том, чем определяется избрание: для него это не исполнение Моисеева закона (главным признаком которого служит обрезание), а вера в искупительную жертву Иисуса.

При этом в этих посланиях нет ни сколь-нибудь развитой христологии, ни учения о механизме этого искупления (сколько будет в дальнейшем богословских споров на эти темы!). По-видимому, Павлу это просто не нужно, ему достаточно утверждения об уникальности личности Иисуса и его роли в мировой истории.

При этом он вовсе не отвергает закон и категорически отрицает доводы воображаемого оппонента о допустимости греха, равно как и обличает конкретные грехи знакомых ему людей. Нравственные нормы закона соблюдать нужно, ритуальные нормы (например, недопустимость той или иной пищи) соблюдать можно тем, кто считает это важным, но принципиально иное: само по себе это не делает человека избранныком Божьим и не ведет к спасению, вопреки утверждениям иудейских оппонентов Павла.

Итак, это подтверждает утверждение Тайсена [2], что из двух базовых аксиом иудаизма – монотеизм (вера в Единого) и **заветный** (? У этого слова в современном русском яз. совсем другое значение.) номизм (исполнение Закона как Завета с Богом) – в христианстве, по крайней мере, Павловом, остается первая, а вторая сменяется верой в Искупителя.

Что касается государственных институтов и социальных моделей, Павел не призывает их отменять и призывает к внешней лояльности, но не более чем внешней. Отношения внутри общины должны строиться на иных принципах, на «законе любви», который Павел тоже никак не конкретизирует. Он лишь отмечает, что в христианстве внешние социальные иерархии не играют существенной роли и нередко обращаются в противоположность.

В отдельных общинах Павел сталкивается с частными проблемами, например, с желанием коринфян говорить на «иных языках» и на слишком

нетерпеливом ожидании Второго пришествия, и спорит с носителями эти взглядов, в основном, потому, что они придают этому слишком большое значение.

Послания второй группы, предположительно написанные учениками Павла, почти никогда не озабочены защитой его авторитета. Во многих из них градус полемики вообще значительно снижен. Но некоторые в высшей степени полемичны и даже называют оппонентов по именам или указывают на их характерные тезисы (например, не очень понятное «обсуждение родословий»).

Что же служит предметом полемики? Отчасти здесь повторяются аргументы Павла о том, что спасение человек получает не потому, что исполняет закон, однако накал этой полемики падает почти до нуля. Судя по всему, адресаты посланий уже приняли эту идею и нужно в крайнем случае мимоходом о ней напомнить.

Там, где полемики много, она посвящена в основном жизни внутри общины, разбираются очень конкретные вопросы, причем с личностью Павла они никак не связаны: какие качества требуются для руководителя общины, должен ли пресвитер получать денежное содержание, какова роль в общине женщин и в особенности вдов, и даже допустимо ли пить вино. Автор старается избегать крайностей – как неумеренного аскетизма, так и вседозволенности, – и в то же время чувствует необходимость высказаться по множеству конкретных поводов.

Что касается социальных ролей (например, рабов и свободных), то, в отличие от несомненно Павловых посланий, автор делает акцент на необходимости следовать принятым моделям и находит для них богословские оправдания.

Возвращаясь к модели Тайсена, обсуждавшейся в прошлой статье [1], можно добавить к трем указанным у него составляющим (миф, ритуал, этика) четвертую: социальные структуры и институты. Возможно, именно понимание того, как они были устроены, поможет нам понять, как развивалось и распространялось христианство в первые два века. Мы видим: с одной стороны, существующие роли и модели объявлялись относительными, что давало новую перспективу бесправным и угнетенным, а с другой стороны, для этих ролей и моделей находилось оправдание, что придавало обществу стабильность и не вызывало ни революционного брожения, ни бурной реакции на него властей (при том, что гонения, разумеется, были, и это тоже отмечено в Посланиях).

Особняком стоит Послание к Евреям с его развернутой христологией, основанной на ветхозаветных текстах, прежде всего на учении о храмовых жертвоприношениях. Общих слов о превосходстве смерти и воскресения Иисуса над храмовыми ритуалами уже явно недостаточно, по крайней мере, для аудитории Послания (предположительно это христиане из числа иудеев), и необходимо их убеждать по пунктам. По-видимому, для автора этого Послания разделение между иудаизмом и христианством в общем и целом состоялось и делать выбор просто необходимо, в том числе и на уровне практического поведения, так что христианам уже невозможно соблюдать иудейские посты или пищевые ограничения.

В этом же Послании мы видим утверждение, что отпавшие от общины христиане не могут в нее вернуться, если отреклись от Христа. Выбор делается раз и навсегда.

Мы видим, как всего за пару десятилетий второй половины I в. н. э. (точнее датировать этот процесс трудно) эволюционируют общины, которые можно назвать Павловыми. Они начинаются как кружки, собирающиеся вокруг харизматичных и нередко конкурирующих лидеров, но за пару десятилетий обретают четкие контуры, свои границы и правила поведения. Стержнем выступает главная идея Павла: не закон, а вера в искупительную жертву Христа определяет принадлежность к избранному кругу.

Но далеко не все общины первых христиан были Павловыми, поэтому в следующей статье мы разберем т.н. Соборные Послания и главные из числа раннехристианских Посланий, не вошедших в канон Нового Завета, чтобы лучше понять, если это возможно, какие другие течения существовали внутри раннего христианства, какими были отношения между ними и почему главенствующее положение со временем заняла именно Павлова традиция.

Литература

1. Десницкий А. С. Зарождение христианства: что мы знаем и откуда? *Ориенталистика*. 2021;4(5):1301-1321. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1301-1321>
2. Theissen G. *The Religion of the Earliest Churches. Creating a Symbolic World*. Minneapolis: Fortress Press; 1999.
3. Лёзов С. В. О непроизхождении христианства из иудаизма. В: Лёзов С. В., Тищенко С. В. (ред.) *Библия : литературоведческие и лингвистические исследования*. Вып. 3. М.: РГГУ; 1999. С. 209-235.
4. Десницкий А. С. «Исторический Иисус» как научная проблема. *Ориенталистика*. 2021;4(3):676-701. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-676-701>
5. Witherington B. I. *New Testament Rhetoric: An Introduction Guide to the Art of Persuasion in and of the New Testament*. Eugene: Cascade Books; 2009.
6. Witherington B. I. *Paul's Letter to the Philippians. A Socio-Rhetorical Commentary*. Grand Rapids: Eerdmans; 2011. 342 p.
7. Ястребов Г. Г. Послания апостола Павла в современной науке. В: Десницкий А. С. (ред.) *Павловы послания: комментированное издание*. М.: ИПБ; 2017. С. 751–770.
8. Gieschen C. A. *Angelomorphic Christology: Antecedents and Early Evidence*. Leiden ; Boston : Brill; 1998. 403 p.
9. Stuckenbruck L. T. *Angel Veneration and Christology*. Tübingen: Mohr Siebeck; 1995.
10. *Angel Veneration and Christology. A study in Early Judaism and in the Christology of the Apocalypse of John*. By Loren T. Stuckenbruck. Tübingen, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck); 1995. 348 p.
11. Hays, Christopher M. *When the Son of Man Didn't Come: A Constructive Proposal on the Delay of the Parousia*. Augsburg Fortress Publishers; 2016. 240 p. Project MUSE muse.jhu.edu/book/45876.

Информация об авторе

Десницкий Андрей Сергеевич – доктор филологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения Российской академии наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>, ailoyros@gmail.com

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена рецензентами 25.08.2022; принята к публикации 29.08.2022; опубликована 29.09.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Desnitsky A.S. Emerging Christianity: what do we know and how? *Orientalistica*. 2021;4(5):1301-1321. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1301-1321>
2. Theissen G. *The Religion of the Earliest Churches. Creating a Symbolic World*. Minneapolis: Fortress Press; 1999.
3. Lyozov S. V. Chistianity did not Emerge from Judaism. *Bible: Literary and Linguistic Studies*. 2000. Vol. 3, p. 209-235.
4. Desnitsky A. S. "Historical Jesus" as a Scholarly Problem. *Orientalistica*. 2021;4(3):676-701. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-676-701>
5. Witherington B. I. *New Testament Rhetoric: An Introduction Guide to the Art of Persuasion in and of the New Testament*. Eugene: Cascade Books; 2009. 274 p.
6. Witherington B. I. *Paul's Letter to the Philippians. A Socio-Rhetorical Commentary*. Grand Rapids: Eerdmans; 2011. 342 p.
7. Yastrebov G. G. Pauline Epistles and Modern Scholarship. In: Desnitsky A. S. (ed.) *Pauline Epistles with Commentaries*. Moscow: IBT; 2017. P. 751–770. (In Russ.).

8. Gieschen C. A. *Angelomorphic Christology: Antecedents and Early Evidence*. Leiden: E. J. Brill; 1998.

9. *Angel Veneration and Christology. A study in Early Judaism and in the Christology of the Apocalypse of John*. By Loren T. Stuckenbruck. Tübingen, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck); 1995. 348 p.

10. Hays, Christopher M. *When the Son of Man Didn't Come: A Constructive Proposal on the Delay of the Parousia*. Augsburg Fortress Publishers; 2016. 240 p. Project MUSE muse.jhu.edu/book/45876.

Information about the author

Andrey S. Desnitsky – Dr. Sci. (Philol.), Professor, Senior Research fellow at the Department of Ancient Orient, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>, ailoyros@gmail.com

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 25.08.2022; accepted for publication 29.08.2022; published 29.09.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.